

«Своим» он так и не стал

Неизвестные факты о Сталине и сталинщине в судьбе Михаила Шолохова

I. НАЧАЛЫ...

Лавры Кибальчица меня не смущают...

Из письма М.А.Шолохова, 1930 г.

С начала 30-х годов обнаруживаются линии Шолохова и Сталина на противопоставительство, которое было прочно скреплено взаимозависимостью. Тяжким оказалось вхождение писателя в большое творчество. К стати, в год первой встречи с вождем-правителем Шолохову всего-то 26 лет.

Оценки

1929-й. Заочное столкновение. Сталин прочитал очередную книгу «Тихого Дона» и написал: «Тов.Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений...» Приговор! О том, как привел его в исполнение, прочитаем в главке с датой 1949 года.

1931-й. «Новый мир» перепугался печатать новую часть романа. Горький в заступничестве к Сталину. Назначена встреча. Грозны вопросы вождя. Шолохов отважно защищается. Вот кое-что из его рассказа мне: «Сталин новый вопрос задал: «Где взял факт о перегибах Донбюро РКП (б) и Реввоенсовета Южфронта по отношению к казаку-середняку?» Я ответил, что роман описывает произвол строго документально - по материалам архивов». Знал бы Шолохов, что московские архивы хранят опасный для Сталина протокол 1919 года - он на заседании Оргбюро ЦК голосовал за предложение Донбюро о расказачивании...

1932-й. Новая встреча. Сталин дал установку считать Мелехова «не типичным», то есть «отщепенцем». Едва ли не до наших дней существовала эта установка на выхолащивание великой правды о поиске правды.

Многие противодействовали признанию романа. Один из столпов партия В.Ермилов: «Отклонение от стиля пролетарской литературы...» Журнал «На подвиге»: «Неясно проглядывает пролетарская литература». А.Фадеев в речи на комфракции РАППа: «Возьмите Либединского и Шолохова... Это писатель коммунист, книга, где он не ошибается, ваша, коммунистическая. У Шолохова вы видите, что это элемент передельвающийся: крестьянский или казачий, что его идеология другая, не ваша». В 1933-м журнал «Знамя» так высказался сразу о «Тихом Доне» и новорожденной «Поднятой целине»: «Объективизм... Сталин в непримиримой борьбе друг против друга две системы, два мира, а Шолохов как бы хочет взвесить на весах гуманизма - какая из них больше крови в борьбе пролила, на чей стороне больше жертв, на чей больше жестокости». Тогда же журнал «Молодая гвардия» о «Целине»: «Объективно это - затуманивание контрреволюционной инициативы кулачества». Отдадим должное пронизательности врагов Шолохова - тонко разглядели всечеловеческий гуманизм его пера. Среди тех, кто, понимая это, поддерживал писателя, - Горький, к примеру. Независимые критики на Западе тоже. Вышла «Целина», и отклик в одной из газет: «Автор «Тихого Дона» издал роман, в котором показана жестокость сталинской коллективизации» (Италия, «Стампа»).

Портретов Сталина не видно

Напомню: Шолохов пренебрег обязанностью члена ВКП(б) восхвалять Сталина.

«Тихий Дон» - вообще нет имени вождя, хотя восстание на Дону и оборона Царицына совпадали и по времени, и по соседству окровавленными степями. Кто попрекнул, если бы и появилось упоминание?..

«Поднятая целина». Вдохновитель и организатор раскулачивания и коллективизации здесь только со строго «служебными целями», по соответствию с историей. Никогда в портрете или в сценах. Он упоминается в яростном споре местного секретаря райкома и эмиссара ЦК Давыдова в явном противопоставлении Ленину, а далее как автор статьи «Головокружение от успехов». Нет его даже в рассказе Нагульнова об обороне Царицына, нет и в чувствах делегата съезда Советов Майданникова, когда одергивает буденовку у Мавзоля. Смел Шолохов!

Ни одного доброго слова и в военном романе. Только обличения. И такая живопись: «У Сталина глаза сузились, как у тигра перед прыжком».

Один из ста

К сведению тех, кто множит миф о коллаборационизме, нетрудно при желании проследить следующее противопоставительство вождя и писателя:

- 1929-й. Сталин в статье «Год великого перелома»: «Небывалый успех в деле колхозного строительства...» Шолохов в тот же год в письме: «Середняк уже раздавлен. Беднота голодает...»

- 1930-й. Сталин - Горькому: «Сократить количество ноющих, хныкающих, сомневающихся и т.п.». Шолохов - в письме: «Не обессудьте за «нытье».

- 1932-й. Сталин - в речи: «Принятие чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает комические вопли у Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого?» Шолохов с помощью Разметнова в сцене раскулачивания: «Да разве это дело? Я что, кат, что ли?»

Этот свод могу продолжать и продолжать.

Шолохов - убежденный противник политики партии на уничтожение середнячества. Много ли таких в ту пору отчаянно смелых? Из доклада Сталина на XIV партсъезде: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия: к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу бей кулака».

Обличения

Сегодня выявлено, что Сталину довелось в начале 30-х читать 5 писем Шолохова с резким обличением тех порядков, которые навязывались сверху народу. Вот извлечения из них - наикраткие, как примеры:

- 1930-й. «Езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой»... Народ звереет, настроение подавленное... После этого и давайте говорить о союзе с середняком...»

- 1931-й. «Тов. Сталин! В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края положение создалось столь угрожающее, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам...»

- 1932-й. «Тов. Сталин! Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок...»

- 1933-й. «Тов. Сталин! Вешенский район наряду с многими другими районами Северо-Кавказского края... Сейчас умирают от голода колхозники и одиночки; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными растениями...»

- В апреле того же года: «По колхозам свирепствует произвол... К ответственности будут привлечены только низовые работники, а руководящие ими останутся безнаказанными...»

Сталин ответил: «Ваши письма производят несколько однобокое впечатление... Ваши письма - не беллетристика, а типичная политика...» Угроза!

Голодомор всячески замалчивался. «Правда» для таких, как Шолохов, напечатала: «Заявление о голодной смерти является вульгарной клеветой, грязным наветом».

Каково это читать Шолохову. За год до вползания страны в голод Половцов предупреждал: «Нами получены достоверные сведения о том, что ЦК большевиков собирает среди хлебоборческого населения хлеб, якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб пойдет для продажи за границу, а хлебоборы, в том числе и колхозники, будут обречены на жестокий голод...» Романист заглянул вперед. И в самом деле за границу было продано 28 миллионов центнеров зерна под кредиты на индустриализацию.

Напомню: Сталин назвал казаков, сопротивлявшихся голодомору, саботажниками; так было в письме Шолохову. В статье к 60-летию вождя вешенец снял обвинение: «Под видом борьбы с саботажем в колхозах - лишили колхозников хлеба... Начался голод». Это было первое и последнее до времен перестройки упоминание в печати факта жуткой трагедии.

II. МЫТАРСТВА...

Только бы напечатали, а там хоть четвертую.

Из письма М.А.Шолохова, 1940 г.

Конец 30-х годов. Вождем-правителем держит писателя в удилищах-железах: то рванет в кровь, то отпустит. И тогда после издевательств и попытки ареста - депутатство, звание академика и даже Сталинская премия.

1937-й.

Обнаружил по архивам и переписке, что сбор компромата на Шолохова власть начала с 1933 года. Не прощено заступничество за Дон в пору голодомора. И Мелехов все в партию не вступает. И вторая книга «Целины» во «славу сталинских лозунгов», как это затребовано «Правдой», никак не появляется. Чаще всего о Шолохове так: «Защитник врагов народа». В 1937-м в анонимке из Вешек в ЦК уже иначе - он главарь «врагов». В районе вокруг Шолохова сплотилась группа ответработников... Вскоре все арестованы. Удávка затягивается: заведены «дела» на двух ближайших родичей и арестован брат жены.

Из свидетельств Шолохова в письме Сталину: «С января 1937 г. начали допрашивать обо мне... Провоцировали. Следователь Маркович кричал: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?! Бил...»

«Своим» не стал...

Один из руководителей Союза писателей Вл. Ставский оставил свидетельство о том, что переживал в то время Шолохов. Оно велико для газеты - поэтому кое-что сократил (например, то, что, как показывает проверка, было преувеличением).

«В ЦК ВКП(б). Секретно. Тов. СТАЛИНУ И.В.

В связи с тревожными сообщениями о поведении Михаила Шолохова я побывал у него в станице Вешенской.

Шолохов не поехал в Испанию на Международный конгресс писателей. Он объясняет это «сложностью своего политического положения в Вешенском районе».

М.Шолохов до сих пор не сдал ни 4-й книги «Тихого Дона», ни 2-й книги «Поднятой целины». Он говорит, что обстановки и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать.

Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи 4-й книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащий на всех трехстах страницах; в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан), и гнев против генералов у Григория Мелехова.

М.Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу.

- Большевиком же я его сделать никак не могу.

Какова же вешенская обстановка у Шолохова? Три месяца тому назад арестован 6 секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Луговой - самый близкий политический и личный друг Шолохова. Ранее и позднее арестована группа работников района (...). Все они обвиняются в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации.

М.Шолохов мне прямо заявил:

- Я не верю в виновность Лугового, и если его осудят, значит, и я виноват, и меня осудят. Ведь мы вместе все делали в районе.

Вспоминая о Луговом, он находил в нем только положительные черты (...).

С большим раздражением, граничащим со злобой, говорил М.Шолохов:

- (...) Смотри, что делается! Гнали нас с севом, с уборкой, а сами хлеб в Базках гноят. Десятки тысяч пудов гниет под открытым небом!

На другой день я проверил эти слова Шолохова. Действительно, на берегу Дона в Базках лежат (частью попревшие) около 10 000 тонн пшеницы. Только в последние дни (после дождей) был прислан брезент (...).

Озлобленно говорил М.Шолохов о том, что районный работник НКВД следит за ним, собирает всяческие сплетни о нем и о его родных.

В порыве откровенности М.Шолохов сказал:

- Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится.

Я воспринял это как признание о мыслях про самоубийство.

(...) Из дальнейшего разговора со всей очевидностью вытекает, что он допустил уже в последнее время грубые политические ошибки.

- 1) Получив в начале августа письмо (на папиросной бумаге) из ссылки б.зав.РайЗО Красюкова, он никому его не показал, а вытаскивал впервые только в разговоре со мной. И то - как аргумент за Лугового. В письме Красюков писал, что он невиновен, что следствие было неправильное и преступное, и т.д.

На мой вопрос: - снял ли он копию с этого письма? - Шолохов сказал, что снял, но ни Евдокимову, ни в райком не давал.

- (...) 3) На краевой конференции Шолохов был избран в секретариат, и ни разу не зашел туда.

В крае (Ростов Дон) к Шолохову отношение крайне настороженное. Тов.Евдокимов сказал:

- Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим!

Вместе с тем тов. Евдокимов также и добавил:

- Если бы это не был Шолохов с его именем, он давно бы у нас был арестован.

(...) Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня - от нее прямо несет контрреволюцией) уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, и я был бессильно убедить его в этом.

(...) Жалуясь, что он не может писать, Шолохов почему-то нашел нужным упомянуть, что вот он послал за границу куски 4-й книги, а они были задержаны в Москве (Главлитом), и из заграничной ему пришлось написать: где рукопись? Не случилось ли чего?

(...) Мы условились, что он будет чаще писать и придет в ближайшее время в Москву.

Но основное - его метание, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения, и об этом я сообщаю».

Дополню: письмо, как выяснил, рассказывало далеко не о всех проявлениях невиданной при сталинщине отваги в творчестве и в сопротивлении власти, и в защите «врагов народа». Но даже в такой жуткой обстановке, в которой не струсил жить и бороться человек, которому было всего 32 года.

В 1938 году все-таки дан приказ на арест. Шолохов был предупрежден одним смельчаком и бежал...

Правда, и только правда

Мало кто знает, что Шолохов за 7 лет до войны прекратил свою публицистику на общеполитические темы.

Дагдаваясь: душа отдана самой сложной книге романа «Тихий Дон» - заключительной, и защите Дона. А может, протест.

Из письма 1938 года Сталину:

- Пока положение остается прежним: невинные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлечь их к ответственности...

- Вокруг меня все еще плетут черную паутину...

Сталин наложил резолюцию: «Травля Шолохова». И свел все к одной личности. Еще вписал в резолюцию: «Ежову».

Поскребишев и Еков начертали на полях для Шкирятова, коему поручение ехать проверять сигнал Шолохова, 10 замет: «Невозможно проверить» и «Проверить». Это директива: что надо проверить, что не надо. В числе запретов на проверку такие строки Шолохова: «Надо тщательно перепроверить дела осужденных по Ростовской области и в прошлом, и в нынешнем году, т.к. многие из них сидят напрасно». Или: «О допросах с пристрастием пишут мне и другие арестованные...»

Каково Шкирятову читать одно за другим: «Пора распутать этот клубок окончательно, т.Сталин... Да разве можно было бы года жить под таким чертовым прессом?.. Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия... т.Сталин. Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен...»

По итогам проверки Сталин получает религию. В ней все отрицается. Сталин узнает, что «имели место» не более чем «отдельные ошибки». Но он не отменял своего изречения: «Лес рубят - щепки летят». Шолохов предстал дезинформатором.

Речь без оваций

1939-й - XVIII съезд партии. Разошлись вождем и писателем в оценках русской интеллигенции. Сталину нужно оправдать репрессии. Шолохов защищает ее доброе имя.

Сталин - в докладе: «Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходящее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие». Кормилась... недоверие... ненависть...

Шолохов - в речи: «Есть еще одна категория писателей, которых «награж-

Приговор ЦК: «ЦК КПСС считает неверной общую пессимистическую оценку, которую дает советскому искусству и литературе т.Фадеев».

Шолохов на съезде писателей в 1954 году: «Остается бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы... У нас не может быть и не должно быть литературных сет-тементов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности... Нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировочек...» Его поддержал В.Овечкин.

Приговор ЦК: «Необоснованно дали отрицательную оценку современной советской литературе... Критика имела односторонний характер... Отвлекала съезд от серьезного обсуждения важных творческих вопросов».

Шолохов на XX съезде партии (1956 г.): «Никаких впредь заданий по «валовому» охвату писателей злободневными темами. Серьезная литература не кинохроника... Властлюбие в писательском деле - вещь никчемная. Союз писателей - не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей не будет... Постепенно Союз писателей из творческой организации, какой он должен быть, превращался в организацию административную...»

Приговор еретику был дан на совещании в ЦК под руководством Суслова, Брежнева, Фурцевой. Выступил секретарь ЦСР Б.Полевой:

Речь Шолохова, по моему твердому убеждению, нанесла существенный вред, и в этом надо отдавать отчет.

Свой приятный президиуму приговор строил на перечне тезисов речи Шолохова. Звучало, к примеру, так: «Второй тезис. Наша литература по существу погасла в 30-х годах. Но именно в 30-е годы с особой остротой встает лозунг партийности литературы... Именно с 30-х годов партия стала заниматься и руководить литературой... Все наши заклятые «друзья» на Западе все время говорили, что в 30-х годах литература кончилась...»

Брежнев поддержал Полевого репликой.

Донес из Парижа

Конец 50-х - избиение Пастернака и его романа «Доктор Живаго»: антисоветчина!

Из Парижа от советского посла секретная шифровка. Она тут же обретае гриф: «Всем членам Политбюро». Это о поведении Шолохова во Франции. Заявил газетчикам: «Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее...» И поиздевался над теми, кто принял решение запрещать роман: «Коллективное руководство... потеряло хладнокровие...»

Политбюро с отпором в привычной фразеологии взыскания: «Обратить внимание М.Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам». И вдобавок поручило послу «принять меры». Он принял. В архиве ЦК хранится перевод еще одной статьи. Французские журналисты жалуются, что работники посольства не давали писателю и рта раскрыть. Как только острый вопрос, так ему - «Мы опаздываем!».

Шолохов ничуть не перевоспитался после осуждения речи на партсъезде. Заявил в Париже: «Критика в Советском Союзе мне кажется такой же отстающей, как и литература...»

Б.Пастернак все-таки стал лауреатом Нобелевской премии. Развернута травля. Собрание московских писателей принимает Открытое письмо...

Нашел ли Шолохов слово в хулу - ведь он член ЦК? Вооружаюсь недавней изданной книгой «С разных точек зрения» «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Едва ли не энциклопедия на имена друзей и врагов. Статьи, письма, высказывания. Десятки тех, кто защищал Пастернака (чаще, правда, тайком), - высказывания Шолохова, увы, нет... Десятки тех, кто травил, - фамилии Шолохова, к счастью, не могло быть.

Реакция ЦК

Разрушение сталинщины в литературе проходило не вдруг и далеко не всеми сразу.

А.Фадеев в 1953 году озадачил ЦК своей Запиской «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой и способах исправления этих недостатков».

В числе первых

Почему-то забыто, что Шолохов в числе самых первых защитников природы. 1966 год - в речи на съезде партии: «Давайте решать проблему Байкала!.. Не получится ли на Байкале так же, как и на Волге? А может быть, мы найдем в себе мужество и откажемся от вырубки лесов вокруг Байкала, от строительства там цел-

люозных предприятий, а взамен их построим такие, которые не будут угрожать сокровищнице русской природы - Байкалу? Во всяком случае надо принять все необходимые меры, чтобы спасти Байкал. Боюсь, что не простят нам потомки, если не сохраним «славное море, священный Байкал!» Там же об Азовском море и Доне и о многолетней заслуге Л.Леонова в заступничестве за леса.

Роман в огне

1968 год. Брежнев благословил многочисленные политкупиры в новой части романа «Они сражались за Родину». Он не мог позволить осудить Сталина за репрессии.

Из Вешек протест. Брежнев отмахивается. Снова письмо без никакого почтения: «Улетаю в субботу, 2(XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а по элементарной вежливости...» И вновь молчание.

И вот тут-то порыв отчаяния или протеста - роман предан огню.

Поразительное совпадение. Примерно в это же время Брежневу отсылают письмо П.Якир, А.Антонов-Овсеенко, Ю.Ларина-Бухарина... В нем: «В настоящее время пропагандируются «заслуги» Сталина. Фактически это является политическим пересмотром постановлений XX и XXII съездов КПСС. Нас это тревожит...»

Многострадальна судьба романа:

- 1942-й - Сталин советует создать роман с образами «гениальных» полководцев. Себя подразумевал? Шолохов ослушался. Появился персонаж, прототип которого генерал Лукин, дважды жертва войны: по плену у немцев и по мытарствам у «своих».

- 1943-й - испещрены первые главы многочисленными подчеркиваниями по сценам, где об отступлении. Нашел эту рукопись в фондах Г.Маленкова.

- 1949-й - Суслов получает Записку: «В письме, как и в ряде других писем читателей, полученных Отделом пропаганды, правильно отмечены некоторые недостатки новых глав». Таков ответ на запрос идеолога партии по получению доноса из Военного издательства. Здесь шло: «Искажение нашей действительности... Ужасная клевета... Страшный поклеп... Трудно поверить, что это «творчество» - дело рук советского писателя...» Такова реакция одного редактора на публикацию новых глав.

- 1950-й. Из письма Маленкову: «Завершая первую книгу романа «Они сражались за Родину» и уже приступив к работе над второй, - испытываю острую необходимость ознакомиться с материалами, касающимися обороны Сталинграда... С этим я не смогу ознакомиться - как мне было сказано - без Вашего на то указания... Вы понимаете, как губительно отразится на моей работе отсутствие этого материала, а потому и прошу...» На письмо ни к чему не обязывающая резолюция: «Прошу ознакомить тт.Громова и Егорова».

Я продолжал листать архивную папку. Нечто невнятное обнаружил на бумаге с датой спустя 8 месяцев: «В секретариат тов.Маленкова Г.М. Письмо Шолохова докладывал секретарю ЦК ВКП(б) тов.Маленкову Г.М. и по существу вопросов, изложенных в письме, получил соответствующие указания. Заведующий административным отделом ЦК ВКП(б) Громов».

Строки не для дальтонилов

Шолохов никак не вписывается в одноцветные суждения. В наши дни часто вспоминают о письме Л.Чуковской, в котором она осудила вешенца за уничтожающе непримиримую критику А.Синявского и Ю.Даниэля.

Веси справедливости о двух чашах. Посему не надо замалчивать то, как защищал Шолохов гонимых и преследуемых. Вот некоторый список с 1937-го и далее, вплоть до времен уничтожения «безродных космополитов» и «внеклассовых патриотов»:

- «Кулаки, участники Вешенского контрреволюционного восстания в 1919 г. и резиденты (из них 18 чел. арестованы как участники правотроцкистской организации)». Так доложено Сталину о тех «185 невинных», за которых заступился Шолохов в 1937-м.

- Сотни коммунистов до сих пор томатся в тюрьмах и ссылках... Надо покончить с постыдной системой пыток... Из письма Шолохова Сталину.

- Ринулся вызволять из тюрьмы

Л.Гумилева, сына А.Ахматовой, И.Клейменова, конструктора «Катюши», сына А.Платонова, критика И.Макарьева... Вступился за честь генерала Лукина, на котором клеймо от пребывания в плену.

- Рисковал помогать печататься опальным А.Ахматовой, О.Берггольц, А.Платонову, «безродному» критику А.Гурвичу... Усовестил академиков, которые отказывались принимать Л.Леонова в члены АН СССР.

- Высказал симпатии запрещаемым «Одному дню Ивана Денисовича» Солженицына, «Теркину на том свете» Твардовского. О «Докторе Живаго» уже знаем. Не подписал письма-протеста против «Нового мира» и принимал главного редактора подзастыльного для ЦК в 60-е годы журнала «Молодая гвардия». Согласился стать главным в редколлегии академического собрания сочинений С.Есенина, когда это расценивалось вызовом. И еще, еще. И при этом не скрывал своих взглядов писателя-коммуниста.

Напомню и о таких его в середине 60-х годов высказываниях. Так и кажется, что принадлежит разным людям, но вдруг в этом-то существе писателя, которого не втиснуть в расплюснутую схему:

- Я не призываю к всепрощению и к всеобщему ликованию. Дружба дружбой, но есть в нашем литературном, нашем идеологическом деле такие принципы, отступление от которых нельзя прощать и самому близкому другу.

- Страсти разгораются. Каждый имеет право высказывать свое мнение - как сердитые молодые люди, так и писатели, успевшие завоевать определенное положение. Такую свободу совести я считаю подлинной свободой искусства. Во всяком случае будущее покажет, чьи произведения останутся, сохранят свои ценности, а чьи отойдут вместе с модой. Эта борьба умов напоминает мне старую притчу о двух спорщиках, которые до того спорили, что подрались. Судья, рассудив их, сказал, что оба правы. И тогда спорщики признали, что судья тоже прав.

Преисловия

Застой с 70-х не только в экономике. Парадность общественно-политического мышления и неприятие новизны в оценках прошлого и прогнозах.

М.М.Шолохов, младший сын писателя, записал немало число крамольных высказываний. Некоторые из них:

...Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пахотна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает.

...Когда там по вашим учебникам гражданская кончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие - то по команде, что ни команда - то для людей, мягко сказать, обиды.

...Расселись герои революции по руководящим креслам. Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно - получать приказы да отдавать. И летит хуторской комиссар сломя голову к старшему за приказом. А тот-то, такой же умелец, только званием повыше, - в область. А тому куда? Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом вершине появиться вождь. Человек, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные решения. Боюсь, что Сталин еще не самый худший вариант из того, что могло бы получиться.

Самая последняя статья в жизни - за полгода перед смертью: «Есть еще охотники разрушить связь времен, забыть о светлых традициях в жизни народов, порушить то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы, за свободу и независимость наших стран, за социализм...»

И это воспринимается еретическим. А надо ли забывать? Из песни слов не выбрасывать - уж навывбрасывались!

Факты, факты, факты... Они противостоят тому, что писали о Шолохове - в позолоту - при жизни и, черня, после смерти. Не втиснуть его в прокрустово ложе. В нем воедино свершения и потери, слава и поношения, противничество неправде, вера в правду и PROVIDENCE, иллюзии и прочные, и утраченные.

Юбилей

В тот год Сталину 60. Вся страна мобилизована - пенный подхалимаж в каждом печатном издании многожды во множественности. Вышла специальная книга. Даже тот, кто потом возглавит борьбу с культом Сталина, славословит: «Сталин - друг народа в своей простоте. Сталин - отец народа в своей любви к народу. Сталин - вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов».

Шолохов в этой же книге: «Оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами...». И даже так: «Без многословия... Без частых упоминаний...»

Неудобный роман

1940-й. «Тихий Дон» выдвинут на соискание Сталинской премии. В Комитете по премиям бурное обсуждение: А.Фадеев: «Мое личное мнение, что не показана победа сталинского дела»; А.Толстой: «Конец «Тихого Дона» - замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка»; А.Довженко: «Я прочитал книгу «Тихий Дон» с чувством внутренней неудовлетворенности. Пришла революция, советская власть, большевики разорили тихий Дон, довели до оскудения страну... И на этом дело кончилось».

Сталин в 1941-м все-таки подписал постановление о премии. Но держится своей коварной линией:

- в 1942-м высказался, что в романе недостает образов великих деятелей;

- в 1948-м не спротивился тому, что премированный роман раскритикован многомиллионным тиражом в школьном учебнике: «В «Тихом Доне» образы коммунистов обрисованы сравнительно бледно». И не удивился, что нет упоминания о факте присуждения премии его, вождя, имени;

- в 1950-м второй деятель партии Г.Маленков распорядился обсудить на секретариате ЦК вопрос об ошибках в оценках романа одного критика

и самого Шолохова. В «Справке» значилось:

О критике: «...Серьезные ошибки. Так, например, в его книге «Михаил Шолохов» (Госполитиздат, М., 1940) при характеристике творчества Шолохова он видит недостатки писателя в изображении коммунистов лишь в том, что мало показывается их психологические переживания».

О Шолохове: «Действительные недостатки произведения известного писателя в описании коммунистов...»

III. Прощание со сталинщиной...

Разъяснить т.Шолохову действительное положение дел с развитием культуры...

Из постановления Политбюро ЦК по письму М.А.Шолохова, 1978 г.

Что Шолохов после смерти Сталина: станет ли препятствовать или помогать исторжению сталинщины? Шолохов весь в пристрастиях и когда защищает святые для себя принципы идеологии, народности и патриотизма, и в иллюзиях. В Собор и из Собора, однако, не одна тропа. Лишь бы не быть менялой...

На смерть правителя

В «Правде» на третий день по кончине Сталина появился 80-строчный отклик из Вешек «Прощай отец». Продиктовал по телефону.

Даже с сегодняшних позиций не осуждаю. Все познается в сравнении. В полтора-два раза большими статьями-подвалами делились скорбью И.Эренбург, Ф.Гладков, О.Берггольц, Луи Арагон... Недавно читал одну из публикаций А.Сахарова - отдаю должное отважной честности. Прочитывал свое же письмо из 1953 года: «Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности».

Зато далеко не каждый в то время созрел, чтобы произнести слово гнева и возмездия палачам и присным, тем более на съезде партии: «Не слишком ли мы терпим к тем, на чьей совести тысячи погибших верных сынов Родины и партии, тысячи загубленных жизней их близких».